

Анна Ревякина

ЗЛОЙ ДОБРЫЙ ШУБИН

Фолк-роман

18+

Анна Ревякина

Злой Добрый Шубин

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73906957

Злой добрый Шубин. Забойные донбасские шутихи: Лира; СПб.; 2026

ISBN 978-5-908078-09-2

Аннотация

«Злой Добрый Шубин» – новая прозаическая книга одного из самых главных современных поэтов Анны Ревякиной. Сборник мастерски переработанных сказаний о легендарном персонаже шахтёрского фольклора Донбасса. Но только ли фольклора? Загадочный и противоречивый Шубин, его история и поступки – это очень важная сторона реальной донбасской жизни, без которой невозможно понять ни этот исторический регион, ни масштаб личности, ни систему ценностей людей, которые там живут и работают.

«Злой Добрый Шубин» – глубоко личный роман, реальная история взросления самого автора, в котором наивная Аня – сначала девочка, потом юная девушка – предстаёт в образе эдакого исследователя, антрополога и лингвиста. Она преодолевает в себе память о жестокосердных 1990-х, ищет ответы на вечные вопросы и пытается понять людей, выбравших себе одну из самых трудных и опасных профессий на свете – профессию шахтёра.

Книга является яркой энциклопедией шахтёрской жизни, её обычаев, тайных знаков, примет и обрядов. В ней переплелись легенды и реальность, суровые будни и почти мистические законы подземной работы шахтёров Донбасса. Это путеводитель по прошлому и памятник самоотверженным людям Донбасса.

Содержание

Зачин	6
Христина	15
Забойщик и откатчица	23
Газожог	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Ревякина
Злой добрый Шубин
Забойные
донбасские шутихи
Фолк-роман

* * *

© ООО «Ли́ра», 2026

© Ревякина А. Н., 2026

© Иллюстрации, Марат Магасумов, 2026

* * *

*Моим детям, Саше и Васе, чтобы знали и всегда
помнили, откуда они родом, чья кровь в них течёт...*

Зачин

Было то в самом начале девяностых годов прошлого века. Прошлого – это двадцатого, когда и война Мировая почти полвека как отгремела, и Юрий Гагарин в космос уже слетал, и страна красная только что распалась с треском.

Папка мой, Николай Михайлович Ревякин, в славном городе Донецке – городе шахтёрском да благословенном – приходил домой с работы, ног и рук не чуя от лютой усталости. Глаза у папки были лазоревые, с поволокой, словно чёрным мягким герленовским карандашиком подведённые, ресницы густющие, щёки впалые, подбородок волевой, квадратный, с ямочкой милейшей. В кино с такой внешностью сниматься, но никак не в шахту за нашими камнями-черноцветами лазать. А папка лазал, и друзья его лазали. Такие же красивые, как и мой папка, добрые его друзья по забою.

Мне-то он папка, папа, папочка, а им всю жизнь Михалычем был. Михалыч то, Михалыч сё, подсоби, выручи, допоможи, одолжи до получки, айда рыбачить и далее по жизненному списку будничных дел. Приходили папкины друзья к нам по праздникам, главный из которых, конечно, тот, что в конце лета. Садись на кухне за накрытый белой скатёркой стол, ели, пили, пировали. На столе в последнее воскресенье августа такие яства стояли, каких мы не то что в обычные дни не пробовали, а и в Новый год не видели. Говорю же – главный праздник, и праздновали его соответствующим образом, и тосты у них были особенными. Слово у них ещё

такое имелось – процветание. Так и говорили: «Процветаем мы, процветали и будем впредь». Я, маленькая, думала всё: чего это они про цветы да про цветы говорят, а цветов никаких на столе нет. Не разумела слово, по-своему понимала.

Двери на кухню процветающие мужи закрывали плотно, только двери те со стеклом были, от мух двери, но никак не от любопытных подрастающих девок. Если поднапрячься, можно было многое услышать из того, что детской кубышечке переваривать не положено.

Говорили о Шубине. Кто такой? Дух горный. Другой бог. Волосатый, злой, но иногда и добрый. Живёт в шахте, наверху ни ногой (ноги у него с копытами, во дела!), света солнечного боится, а по подземельям гуляет вольно, видит во тьме на километры вперёд и вниз, и сквозь пласты тоже. Всесильный! Покровительствует шахтёрам и их семьям, а до других ему дела нет, не в его ведении все остальные, над ними власти никакой не имеет да и не хочет иметь.

Друзья уходили ближе к полуночи, иногда даже за полночь, а мы с папкой принимались со стола убирать, чтобы на утро гармыдер¹ не оставлять. Папка посуду мыл, я её полотенцем вафельным вытирала. И пока мыли-вытирали, я всё у родителя выпытать пыталась про Шубина. Кто же он такой? Как выглядит точно? И видел ли его папка самолично или только слышал о нём.

Папка мой был прагматиком, что называется, до мозга ко-

¹ Гармыдер – беспорядок, хаос в бытовом значении, раскардаш.

стей, ни в какие абстракции не верил, но к Шубину относился крайне серьёзно. Не как к сказочке для любимой младшенькой дочери, а как к великой шахтёрской тайне, которую надо хранить глыбоко внутри и никому не рассказывать.

– Ну, мне-то можешь открыться, – канючила, – папочка, я никому не расскажу, обещаю.

– Клянёшься?

– Чем хошь! Расскажи только...

И рассказывал в лёгком праздничном хмелю. Наутро же, как просыпались мы и садились завтракать, говорил: «Что вчера было, то забудь. Всё забудь, до последнего словечка». А я и забывала, как тут не забыть.

Во-первых, школа общеобразовательная, что клинок дамоклов али страда, в том смысле, что страданий зубрильных полная до краёв, уроки денно и ночью учить приходилось. Во-вторых, осень хрупкая донецкая, сухая райская осень, половину из которой гуляла я по бульвару Пушкина, в листья с головою ныряла – то брассом, то кролем. Пловчиха. А ещё музыкой заниматься надо было, собаку выгуливать. Всё забывала. До словечка. Как папке и обещала. Умница доченька.

Стоял уже ноябрь. Слякотно было – что внутри, что снаружи. Под ногами хлюпало, в носу аналогично. Прогноз погоды – мряка², прогноз мятущейся души – такой же.

Брели мы с карликовой пуделихой Динкой по двору, пу-

² Мряка, мжичка – мелкий дождь (морось), часто со снегом.

делиха моя со всеми собаками облаяться успевала за недолгую прогулку. Вот же характер! Красивая собацюга, только нестриженная давно, лохматая, грязная от ноября. На шее ошейник – красный, бархатный. От ошейника поводок – красный, кожаный.

На мне красное шерстяное пальто с чёрными лацканами и ботики рыжие. На голове шляпка фетровая с крошечной алой розочкой. *Cherchez la femme*³ и всё такое. В общем, вид мы с пуделихой имели не только презентабельно-загадочный, но и весьма кинематографичный.

Шли мы с Динкой вброд по донецкой поздней осени, мокрые листья по колено, и разговоры разговаривали.

– Что, Динка, сейчас тебе снова лапы мыть и пузо тоже.

Динка в ответ умным глазом из-под косматой чёлки стреляла: «Да уж, будь добра...»

Подошли к подъезду и увидели папку, он с другой стороны дома шёл нам навстречу – мимо будки сапожника-алкаша, мимо мусорки переполненной. Что хошь сейчас отдала бы, чтобы снова папку таким увидеть – живым, здоровеньким. Ему только сорок пять лет стукнуло тогда, совсем молодым мужчиной был.

– Смотри, Динка, папка идёт, он тебе лапы и помоеет, – хихикнула я.

А Динка хоть и небольшая в холке была, а сильная, сорвалась с поводка и к папке стрелой устремилась. Растягивалась

³ «Ищите женщину» (*фр.*).

и уписалась от счастья. Впервые в жизни такое с ней стряслось. Словно я её вообще не выгуливала. Не пуделиха, а слониха в некотором смысле, без подробностей.

– Элефантиха Динка, – пошутил папка, как увидел такие делишки, – здравствуйте! Приятно познакомиться... Я тоже очень рад вас видеть!

В ноябре рано темнеет. Пока мы Динку всю как следует помыли, а не только лапы с пузом, пока обтёрли махровым полотенцем, пока папка ужин приготовил, совсем темно на улице стало. Не так, как в шахте, конечно, а обычной земной чернильной темнотой стемнело. Собрались садиться есть, как погас и искусственный свет. Не в одной нашей отдельно взятой квартире, а во всём квартале. И в соседнем, кажется, тоже. Кинулись, а свечей нет, все пожгли. Тогда в Донецке часто электричество отключали: страна наша окраинная очень бедно жила. Раньше, при Советах, – богато, а в независимую бытность – бедно.

Папка принёс коногонку⁴ из коридора, включил её, направил луч на потолок. Жёлтый луч упрямого коногонного света. Достал из бара в зале бутылку, содержимое её плеснул в две маленькие рюмочки. Три тарелки поставил, одинаково наложил на них нехитрую еду – макароны, котлету и разрезанный на четыре части солёный невкусный огурец.

– Папа, мы кого-то ждём? Дядь Саша, что ли, придёт?

⁴ Коногонка – шахтёрский фонарик, а также фонарик с креплением на голову, используемый в быту.

– Нет, дядя Саша не придёт. Никого не ждём, но так надо... Не бери в голову.

– Папа, мне страшно. У тебя всё в порядке?

– Да, всё нормально. Не бойся, – и широко улыбнулся булатными зубами.

От этой его улыбки мне стало не по себе...

– Папа, для кого третья тарелка и рюмка?!

– Для Шубина.

– Как это понимать? – меня тревога охватила, захотелось выбежать из кухни в тёмный коридор, дойти по стеночке до спальни и спрятаться под одеяло.

– Понимать так, что сейчас мне надо отблагодарить Шубина. Он очень помог нам на смене. Давай просто сядем и поедим, не задавай вопросы, у меня нет ответов. Сегодня нет.

В это мгновение, прямо на фразе «Сегодня нет», на кухне включился свет. У нас в той давней квартире по улице Челюскинцев такой звонок специфический был, что, когда давали электричество, он тоже оживал и начинал играть мелодию. Впечатление – словно кто-то пришёл и позвонил, чтобы пустили. Я аж вскрикнула от неожиданности.

Динку звонок тоже равнодушной не оставил. Дело в том, что собака наша с младых лет была невероятно музыкальной. Она любую мелодию воспринимала как приглашение к пению – скулежу, если выражаться точно. Звонок играл, Динка подскуливала, на столе стояли три тарелки, одна из которых предназначалась для кого-то невидимого. Того, кто со-

вершенно точно в тот миг находился за нашей дверью в обшарпанном подъезде и ждал, когда же ему двери отворят.

Папка выключил коногонку и отнёс её в коридор на обычное место, рядом с жёлтым телефонным аппаратом. На его корпусе был наш тогдашний номер написан – 92–10–94. Сколько лет уж прошло, а я помню его. Да и разве можно такое забыть? Иногда думаю: а что, если позвонить по нему, вдруг папка трубку снимет и что-то такое скажет, чего раньше никогда мне не говорил?

Та наша квартирка на Челюскинцев была райским местом, только тогда я этого не понимала. Спустя тридцать лет пришло осознание. И сейчас папка тоже в раю. Может, номер рая остался прежним? Чушь, конечно, но хочется верить...

Ужинали молча под тархтящий телевизор. Я всю порцию съела, только невкусный огурец проигнорировала. Папка свою еду едва поковырял. Третья тарелка осталась стоять нетронутой. А в местных новостях сюжет показали о том, что на папкиной шахте метан взорвался, но никто не пострадал, всех горняков подняли на поверхность живёхонькими. И корреспондентша на фоне проходной в белой каске и красном пальто – Анна Карецкая.

Почему запомнила? Так созвучно Карениной же. Вот она те слова и сказала: «Никто не пострадал».

– Это самые главные слова в мире, – буркнул себе под нос папка.

– Чё?

– Глухих повезли. Никто не пострадал – самые главные слова!

– Как «почти не считается»? – зачем-то ляпнула я.

– Ну да, что-то вроде того, – ответил папка.

Христина

В ночь на первое декабря того же года снег выпал. Первый ласковый хрупкий снежок. Выпал, а к обеду растаял, как и не бывало. Первый снег в нашем южном краю – что-то вроде *Dolania Americana*. Взрослые самцы этого вида подёнок живут не более часа, а самки и того меньше – около пяти минут. Делятся ли снежинки на мальчиков и девочек? Подобно тому как рукотворные снежные фигуры о трёх шарах бывают в зависимости от настроения маленьких скульпторов снеговиками или снеговичками, то есть снежными бабами.

Под утро сон был. Моторошный⁵ и чёткий, словно и не сон, а сильно замедленный фильм из старых. Не чёрно-белый, но близкий к тому. За выпадом нескольких ключевых фрагментов. Бригада шахтёров шла по двору современной шахты (типа Засядько или Калинина). Лица светлые – не лица, а лики, спецовки чистенькие, на головах каски красные. Шли не шли, а летели. Шаги огромные делали, руками размахивали. И тишина: ни окрика, ни стопа, ни шепоточка.

В спящем мозгу пульсирующая мысль из яви: «Ave, Caesar, morituri te salutant!»⁶ До чего же красиво, любоваться бы и любоваться, как идут, но непременно увидеть и как возвращаются. Тост у шахтёров есть один специфический и наиважнейший, всегда его на застольях произносят: «Чтобы количество спусков было равно количеству подъёмов».

⁵ Моторошный – вызывающий страх, тревогу; тревожный.

⁶ «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (Лат.)

Главный из бригады (по повадкам поняла да по чертам, словно из камня высеченным) подошёл ко мне, дунул в лицо сигаретным дыханьем и спокойно сказал: «Погибли мы. Все, кого вишь. А ты, девка, Хрысте моей по-бабьи передай, чтобы глупостей не делала. Пусть замуж выйдет. Девчат нарожает. Пацанов не надо».

Я в том сне себя со стороны видела – худючая, продрогшая, в красном праздничном платье, юбка у платья пышная, но недлинная. Из-под платья коленочки острые торчали, ножки иксиком. Губы синюшные, глаза на пол-лица.

– Хорошо, передам... – проблеяла в ответ и резко проснулась. Сердце выпрыгивало, стучало от макушки до пяток в каждой клеточке. В квартире тишина, даже часов не слышно. И вдруг из кухни звук – чайник засвистел. По-домашнему так засвистел, по-родному. Отлегло. Полегчало сразу. На кухне папка завтрак мастерил, на работу собирался.

Притопала на кухню в пижаме, нечёсаная, обалдевшая от фильмосна, а папка уже яишницу доедал, чаёк сёрбал. Динка у его ног лежала, штанину папкиных домашних брюк посасывала. Она так всегда делала, когда папка за кухонным столом сидел. Ляжет на пол, кусок штанины в пасть возьмёт и смóкчет⁷, порыкивая от счастья привалившего.

– Папа, мне сон приснился, кажется, страшный, но до конца не поняла пока.

– Расскажи.

⁷ Смоктать – сосать, высасывать, захватывая губами, чмокая, тянуть в себя.

И рассказала! До мельчайших подробностей, до завитушек. Папка лоб нахмурил, затылок почесал и выдал в сердцах: «Не надо тебе у меня про Шубина выспрашивать, уже вон какие сны видишь не из наших мест!»

– Пап, так а чего не из наших-то, когда из наших?! Шахта, горняки, каски, спецовки, коногонки – всё наше.

– Это к тебе Игнат во сне приходил. Его уже больше века как нет, погиб страшной смертью. И невеста его за ним ушла, надела белое платье и в шахту кинулась, как в омут с головою. Христиной её звали. Или Христей, или Хрыстей, если по-игнатовски.

* * *

Было то ещё при батюшке-царе, матушке-царице. В степях наших донбасских только-только появились первые копанки. Сейчас шахты глубокие, десятитысячные (это по количеству работников), а тогда уголёк близко к поверхности подходил, не надо было на сотни метров вниз спускаться. Народу на тех первых шахтах работало хоть и множество, но не великое. Чёрное золото обушками в ту пору рубили, лопатой грузили на вагонетку, которую человек на четвереньках за собою тасил к штреку. Четверенил, стало быть. Вот такой настоящий шахтёрский глагол. По штреку к шурфу вагонетки доставляли кони, а потом уголь на-гора поднимали бадьями.

Кто хотя бы единожды под землю спускался, тот знает, каково там, в подземном царстве-государстве. Не тревожно, а именно что жутко. Бесконечные чёрные галереи, в которых трудятся чёрноликие люди. Звуки приглушённые, голоса звучат не так, как на поверхности земли, словно бы вся звонкость из них пропадает. Под ногами сыро, воздух влажный, душный, полной грудью такой ещё попробуй вдыхни.

Работал на шахте в ту пору красавец-парень Игнат Шубин, а хозяином шахты немец был – скупердяй страшный. И была у немца того красавица-доченька шестнадцатилетняя. Кожа чистая, волосы русые, бровки не бесцветные, как у всех немок, а словно кисточкой подрисованные. Из дому девица не выходила, всё у окошка сидела, то вышивала, то в книгу глазоньки бирюзовые опускала, а порою и на улицу робко поглядывала. И чего только этот немец её привёз в наши места промышленные да гиблые? На погибель привёз, как потом выяснилось.

Как встретились Игнат и его Христина, одному Богу известно, но как-то свиделись и влюбились. Любовь с ними случилась с первого обмена взглядами, как газ шахтный вспыхнула, закрутила. Папаша-немец не сразу сообразил, куда его всегда послушная самая младшая доченька бегаёт за полночь. Сам-то он режим для сохранения здоровья соблюдал. В десять вечера ложился, в пять уже на ногах был. Ordnung⁸, и всё тут. Немец, одно слово. Кто с немцами да-

⁸ «Порядок» (нем.).

же в новейшие времена дело имеет, подтвердит мои слова, больно порядок этот народ любит, сильней, чем мамку Германию и трели нахтигале⁹, будь они неладны.

Открылось всё по дурости. Решил Игнат подарок своей любимой сделать, а денег-то особо не водилось, да и не у кого было Geschenk¹⁰ хороший заказать. Очень Игнату хотелось что-то такое Христине подарить, чтобы она всю жизнь могла это носить. Колечко ли, серёжки ли для ушек аккуратных. И придумал парень! Нашёл умельца, который смастерил ему на заказ пару диковинных серёжек. Метал серебристый, а там, где в серьгах обычно камушки сверкучие, – уголёк. Самоллично отыскал Игнат те два уголёчка для украшения. Долго перебирал, выбрал самые сияющие, чтобы как небо в июле – всё звёздочками далёкими усеянное.

Как увидела Христина подарок Игната, в ладоши захлопала, на немецком что-то залопотала, парень прислушался и понял, что это, должно быть, стихи, ахнул даже: «Эх, собачий язык, лающий, а в стихах ладный, музыкальный, красивый... Носи на радость и на долгую память, любимая». А в конце добавил: «Ich liebe Sie»¹¹. Чтобы точно Христина знала, что любит он её больше жизни, сильнее шахты-кормилицы.

Пару дней не решалась Христина надеть подарок Игната,

⁹ Нахтигаль (нем. Nachtigall) – соловей.

¹⁰ «Подарок» (нем.).

¹¹ «Я люблю вас» (нем.).

а потом собралась с силами и вышла к завтраку в новых серьгах. Грозный Vater¹² никаких перемен в облике дочери не заметил, думал о каких-то своих делах. Как побольше угля добыть да подороже его продать. Целых семь дней проходила Христина в серёжках с уголёчками, только на ночь снимала и в шкатулку, обитую атласом, аккуратно складывала, а через неделю отец от дум ненадолго отвлётся, посмотрел на дочку любимую пристально да как заорал: «Was ist das!!!»¹³

Так всё и вскрылось... Задумал тогда немец Игната со свету белого сжить хитрым способом. Посоветовался со своим помощником, уточнил, на каком участке в шахте крепи самые хилые, туда и загнал бригаду Игната да потребовал, чтобы нарубали brave молодые за смену столько угля, сколько раньше за пять дней выдавали на-гора. Игнат от влюблённости ли, а может, ещё по какой причине неладное не почуял.

Наплёл немец рабочему люду чего-то про срочность и цену хорошую пообещал. Игнат подумал, что коль судьба благоволит и получит он такие деньжищи, то сможет для Христины ещё и колечко заказать у умельца, но уже не с простецким угольком, а с камушком настоящим. Полезли ребята в лаву, песню нашу шахтёрскую запели про солнышко ясное да подземелья дремучие. Родовались, что сейчас как нарубают уголька, как кутнут опосля в кабаке, а Игнат всё про колечко думал и о том, как женится на своей красавице Хри-

¹² «Отец» (нем.).

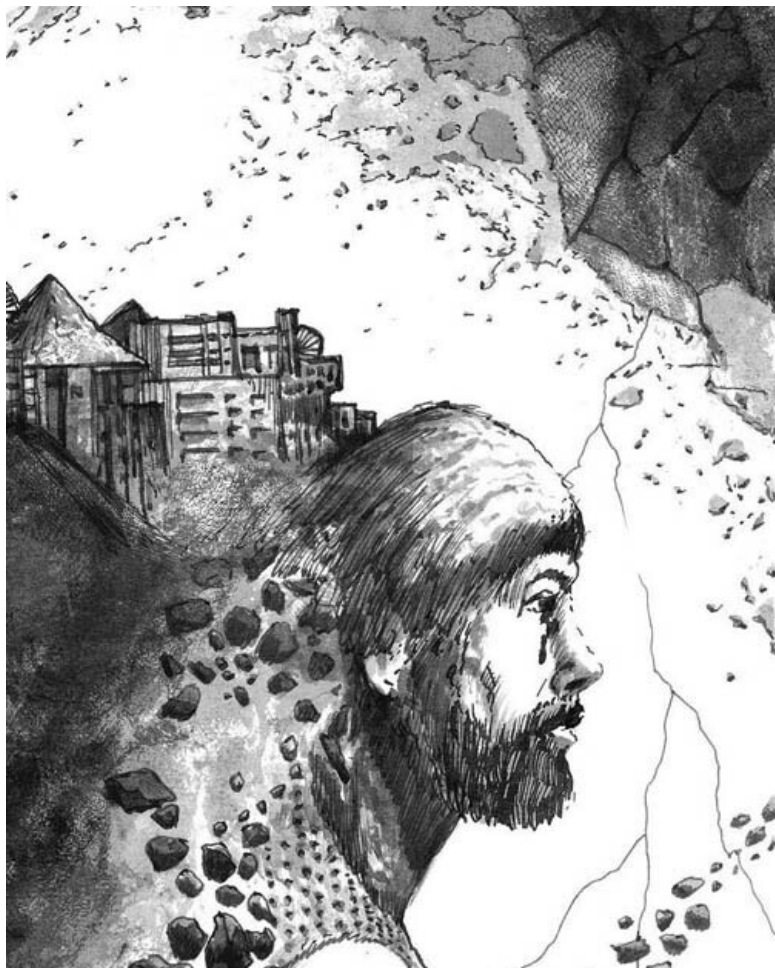
¹³ «Что это такое!!!» (нем.)

стине и родят они семерых, а может, и больше, как Господь даст, заживут счастливо в достатке, корову прикупят, избу славную справят.

Завалило их всех до одного! Обвал такой мощи случился, что вовек не раскопать, не достать тела горняцкие, по-человечески не упокоить. Христина как узнала, всё сразу поняла, на отца с кулаками кинулась, кричала громко (вот уж правда – словно лаяла), а потом в обморок хлопнулась от нервов. Только не от нервов, беременная она была, срок маленький, но сердечко их общего с Игнатом ребёночка уже билось у неё под сердцем. Первого из семерых, о которых мечтал Игнат, когда на верную смерть шёл. Ave, Caesar, morituri te salutant!

Три дня пролежала в постели Кристина, бредила, губы в кровь искусила. Бледная стала, что простыни, под глазами тени горестные легли, волосы спутались. А потом решила, достала из сундука платье белое, самое красивое из всех своих платьев, надела его, причёску высокую сделала, в уши вдела серёжки с угольками и пошла на шахту. По дороге отца встретила, была с ним мила, каялась, говорила, что всё поняла и отныне и впредь никогда его больше не слушается. Наша девка стала, донбасская, такая, что если чего удумала, то до конца доведёт, хоть обманом, хоть ласковым словцом. Заговорила отцу зубы, пришла на шахту и в ствол рыбкой занырнула, только туфельки светлые атласные остались на земле нашей грешной стоять.

Забойщик и откатчица

Друг моего папки по шахте Саша Сидоров был человеком энциклопедического знания, если дело касалось рассказов про Шубина. Много раз мы бывали у него в гостях. Я навсегда запомнила убранство небольшой комнаты, в которой он нас принимал и гордо именовал личным кабинетом музейного типа. Высокие полки, на полках книги и множество разнообразных артефактов – старые коногонки, статуэтки на шахтёрскую тему, толстые альбомы со старинными фотографиями, линогравюры, сюжеты которых повествовали о жизни нашего края. Были там работы и Владимира Шенделя – дивные тонкие акварели. Шендель давно уж ушёл (ему ещё в 2006 году Народного художника Украины дали, а через тринадцать лет он помер при новой донецкой власти), но работы его и сейчас по всему земному шару шахтёрских детей тосковать по дому заставляют.

Дядя Саша, или Сидор, как его называли друзья, был человеком, охочим до разговоров, особенно после чая с наливочкой да с бубликами. Бубликами у нас в Донбассе называют сушки, давно заметила такой раскосяк¹⁴. Что в Москве сушка, то у нас бублик. Баранки, кстати, у нас тоже бубликами в повседневной речи зовут, разницы никакой не делают. Да и чего делать-то – круглое, из теста, посредине дырка, а размер не так и важен.

– Дядя Саша, выходит, Шубина Игнатом звали, правильно

¹⁴ Раскосяк – отсутствие согласованности, несоответствие.

я понимаю? Мне так папа рассказал.

– Да, Игнатом он был, – важно кивнул дядя Саша, – много пересказов за жизнь я слышал, разную литературу подробно почитывал, Шубин либо просто Шубин, либо Игнат Шубин, других имён мне не встречалось.

– А невеста его Христина – шестнадцатилетняя немка, дочь владельца копанки, прыгнувшая за своим женихом в шахту, после того как всю бригаду Игната обвалом похорило?

– Есть и такая версия, но она более сказочная, что ли. Лично я в неё не верю. Не могу себе представить, как могла вспыхнуть любовь между дочкой шахтовладельца и обычным забойщиком. Он же ни бельмеса по-немецки не понимал, а она – по-русски.

– Так любовь ведь не про слова, дядя Саша, она про другое, – я попыталась возразить, но куда там. Дядя Саша сам умел возражать.

– Что ты там, малая, в любви понимаешь вообще? Любовь именно что про слова, любовь со слова и начинается, собственно. С признания в любви. Хоть убей меня, а не могу я поверить, что любовь может закрутиться между двумя людьми из противоположных слоёв общества, которые к тому же на разных языках говорят. Тут переводчик нужен. Третий человек. Но любовь-то всегда между двумя протекает, сечёшь? В любви троим места нет. Хочешь расскажу, как было на самом деле, без немецких принцесс? Тоже мне Фике,

она же София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская...
– Конечно, хочу, дядь Саш!

* * *

Случилось то, и правда, ещё при батюшке-царе, но не Николае Последнем (в учебниках он под номером два идёт), а ещё при тёзке дядь Саши, том самом, которого Освободителем называют. Это на его царствование пришлись и отмена крепостного права, и золотой век романа русского. В ту далёкую пору, не покладая перьев, создавали великую русскую литературу, какой мы её знаем. От «Рудина» до «Анны Карениной» и «Братьев Карамазовых».

Была в наших захолустных краях небольшая шахтёнка. Сейчас нельзя уже точно определить, где именно она находилась. Владел шахтёнкой германский подданный, приехавший заради наживы на земли Российской империи, некто Шайзе. Только вот вряд ли это реальная фамилия. Дело в том, что Шайзе в переводе с немецкого – это дерьмо. Слово это часто как вводное используется в речи, навряд ли нашей русской чертыхни. Какая там настоящая фамилия была у того немца, то неизвестно. В историю народную вошёл он как Шайзе. Да и поделом! То ли острые на язык горняки его так прозвали за характер шайзенутый, за поступки гаденькие, то ли немец чаще других слов Scheisse произносил. Помощником у него был отпетый негодяй хохол Юрко (за глаза его,

разумеется, Дурко называли).

Работал на той шахте под Шайзе и Юрком сильнейший высококлассный забойщик Игнат Шубин. Забойщик дело своё нелёгкое знал, о безопасности людей всегда сильно хлопотал, а Шайзе и Юрку было на шахтёров чхать с высокого террикона. Этих не станет, других понаберут. Другие повыдохнутся, новые появятся. Так рассуждали.

Спустился однажды Игнат в шахту и увидел, что деревянные крепи никуда не годятся, надо менять, иначе обвал будет. Наверх поднялся и пошёл перво-наперво до Юрка, высказал всё, что накипело. А Юрко на Игната шакалом брехливым поглядел да разорался, что тот, дескать, не в своё дело лезет. Отправился тогда Игнат к хозяину, выпросил аудиенцию, на пальцах разложил, что, как и почему надо срочно крепи заменить, но и до Шайзе не дошло, что жизнь человеческая дороже угля стоит, что надо сделать так, как говорит Игнат, иначе беда.

Началась смена, Юрко-Дурко всех загнал в шахту угрозами и крепкими словами, мол, если не спустятся горняки, то погонит он всех с шахты на все четыре стороны и подохнут люди от голодной смерти, как собаки. Никто не посмел послушаться. Терпеливый у нас народ. Не так чтобы прямо совсем терпилы, но терпеть, когда над ними издеваются, умеют. И даже гордятся своим долготерпением. Так и раньше было, и до сей поры сохранилось. Так сказать, первая примета коллективной личности тех, кто в наших местах проживает.

У Игната невеста была – Христина, она на той же шахте трудилась. Поначалу выборщицей породы была, а потом откатчицей стала. Работа хоть и трудная, но уж больно хорошо оплачиваемая. Девка в шахте в те времена – дело обыкновенное. Как двенадцать лет стучало, так многие девахи выборщицами породы шли, чтобы облегчить долю родителей. По малолетству породу отбирали, пальцы до крови кололи, а как постарше становились, то откатчицами могли заделаться. Труд откатчицы сильно больше труда выборщицы стоил, но и тяжёлым был страшно. А в шахте нетяжёлого труда, в общем-то, и нет, всё через силу, боль, преодоление себя.

В современном обществе если скажешь слово «откатчица», то сразу думают собеседники про некие коррупционные схемы (у кого какая фантазия и опыт жизненный), про «откаты» в значении комиссии или процента от сделки. Развратно мы нынче живём, больно капиталоцентрично. А тогда, в девятнадцатом веке, такого знать не знали, ведать не ведали. Откатчица – то девка или молодая жиночка, которая занималась откаткой, то бишь перевозкой, добытых полезных ископаемых в забое.

Женихались Игнат и Христина давно, несколько лет уж как, дело к свадьбе шло, хотели будущей осенью пожениться. Парень с девкой друг другу под стать были. Оба красивые, сильные, чертами схожие, как брат с сестричкой. Кто видал их вместе, как шли по посёлку да за руки держались, глаз отвести не могли, стояли и вслед смотрели, любовались.

Любовь-то всегда ведь про красоту, но никак не наоборот.

И хотя женихались ребята давно, Христина всё ещё девкой ходила. Решили влюблённые, что прикоснутся друг к другу только после свадьбы. Нам из сегодняшнего времени кажется, что нравы при царе-батюшке были строгими повсеместно, но это не совсем верное представление. Или совсем неверное. И кутили, и блудили, и пили как не в себя. Рабочие люди, шахтёры. Каждый день смерти прямо в глаза глядели, каждая смена как последняя. Игнат же с Христиной были ребятами робкими, хотя и не из робкого десятка. Договорились, что только после свадьбы новую жизнь начнут с физической близостью.

Едва спустились горняки в шахту, как тут же их и завалило крепко, не выбраться. Весь народ одним махом – намертво. И откатчица Христина со всеми вместе. Игнат Шубин как узнал, что вся смена погибла, за одно мгновение поседел, превратился в старика древнего. Хотел дурного Юрка найти и прибить злодея, но Юрко что-то почуял и спрятался, не нашёл его обезумевший жених. Кинулся тогда Игнат в контору, увидел там немца Шайзе, схватил лиходея за шкиряк, в глаза бесстыжие поглядел, а потом выкрутил ему шею так, что голова встала в обратную сторону. Как немчуру прибил, так совсем ополоумел, заголосил, заметался, бросился обратно к шахте. Больше его не видели!

Куда потом несчастный делся, то доподлинно неизвестно, слухи разные ходили. Одни говорили, что в шахтный ствол

сиганул с разбегу. Другие, что взорвал себя жених-вдовец в дальних выработках, где метана много скопилось. Третьи, что завал стал разгребать, плакал, голосил, чертыхался, звал Христину, суженую свою. Сколько-то разгрёб, но много ли в одиночку разгребёшь, а потом и его завалило породой. Так и успокоился. Да не совсем!

После этой страшной смертоубийственной истории, которая, конечно, ни в какое сравнение не идёт с жуткими авариями на современных шахтах уже в девяностые годы века двадцатого, и объявился в наших донбасских подземельях некий дух, которого в честь честного забойщика Игната прозвали Шубиным. Стал дух этот управителем царства подземного, его единственным настоящим хозяином.

Преклоняются перед ним горняки, всякого новичка подробно информируют, инструкции дают. Все как один утверждают, что нет такого шахтёра в Донбассе, который в шахту бы спустился и не был в курс дела введён по поводу Шубина. Что-то навряд ли мистической техники безопасности выходит.

Газожог

– Тут, малая, главное – не перепутать газожога с запальщиком. Нынешняя молодёжь часто путает, да и не молодёжь тоже, – начал свой очередной рассказ дядя Саша. – Запальщик – то запальщик, он взрывает динамитные патроны. Раньше таким способом шахту углубляли. А у газожога принципиально другая функция.

Мы сидели с дядей Сашей и его женой (пятой по счёту) тётей Светой в кабинете музейного типа и беседовали на любимые темы, связанные с шахтой. Дядя Саша водрузил на свой широкий нос очки «для близи», пытаясь найти некий важный фрагмент в книге с таинственным названием «Подземное царство». Вернее, даже не в книге. Упёртый фрагментоискатель держал перед собою старый литературный журнал – чуть ли не первую публикацию очерков Викентия Вересаева о тяжкой жизни шахтёров. Впрочем, насчёт первой публикации я могу и ошибаться, дядя Саша любил приукрасить историко-литературное значение имеющихся в его архивах артефактов.

Очерки те впервые были изданы в начале девяностых годов девятнадцатого века. Их автор Викентий Смилович предстал перед достопочтенным читателем под фамилией Вересаев, выбрал себе псевдоним из рассказа Петра Гнедича.

– Ага, нашёл! – радостно вскричал дядя Саша, а дальше раздражённо продолжил, обращаясь к жене: – Чёрт-те как

мне эти очки сделали, Светка. Я без них, кажется, лучше вижу, чем в них!

– То ты просто пока не привык, – спокойно сказала тётя Света. Очень набожная женщина, у неё был дар – успокаивать мужа так, как ни одна жена дяди Саши до этого делать не умела. Все остальные его больше раздражали, чем успокаивали.

– Вот умеешь ты убедить, Светочка, – ответил дядя Саша.

– Такая моя бабья доля – возбуждать да успокаивать, всё, что вам, мужикам, надо! – парировала тётя Света, подхвати-лась и убежала на кухню на свист кипящего чайника.

Дядя Саша аж радостно прихрюкнул от слов тёти Светы, но заостриться на слове «возбуждать» не стал.

– На, малая, вот, смотри, нашёл для тебя. Читай эту главу про запальщика Захара Лобача, она моя любимая, прямо при мне читай про себя, глава короткая, не перетрудишься. А как дойдёшь до фрагмента про «несимпатичный народ», вслух давай, послушаю тоже, посмакую слова писателя-лекаря, к себе примерю.

Одну страничку прочла, потом вторую, а на третьей обнаружилась та самая цитата, которая болью отзывалась в сердце дяди Саши. «Несимпатичный народ» – этой фразой окрестили шахтёров хозяева шахт. Французы, немцы и так далее. Пришлые капиталисты так говорили о наших предках, им всё равно было, что «несимпатичный народ» самую жизнь свою платил за уголёк. Калечились тысячами, гибли сотня-

ми, на верную смерть шли и всё за-ради того, чтобы хозяева обогатились.

– Дядь Саш, а про газожога-то расскажете? Про запальщика я поняла.

– Вот ты, малая, толстокожая. Поперёд газожога в шахту лезешь, неужто тебя не проняло? «Несимпатичный народ»... – дядя Саша последние два слова произнёс буквально по буквам.

– Поняла я, поняла! Ну, тут всё логично, приезжали более образованные, значительно лучше одетые, нанимали наших оборванцев на адовы работы, а после руки заламывали да глаза закатывали, что те не соответствовали их представлениям о прекрасном. Но им простительно, ну, отчасти. Они – иностранцы, русскую душу не знали, о русской силе только догадывались. Так ведь у нас и свои же, русские, наверх внезапно вскарабкавшиеся, о народе подобными словами способны отзываться. Вы как маленький, дядя Саша, вот честное слово... Расскажите уже про газожога...

– Ладно тебе, малая, жизни меня учить, расскажу тебе сейчас про газожога! – дядя Саша рассмеялся. – Представляешь, я-то на самом деле, завидючие глазки, голова в каске, забыл, о чём ты первоначально спрашивала. Увлёкся Вересаевым...

На старых шахтах в давние времена существовала сверх-опасная подземная специальность, на которую не всегда находился работник, но оплачивалась она дюже хорошо – целых десять рублей золотом. Работа на полчаса или на всю жизнь – так о газожогах говорили. «На всю жизнь» – в том смысле, что последняя на этом свете работа. Выходите, приехали, станция конечная, дальше клеть не идёт! А если погибал газожог, то семья его хорошие деньги получала за смерть кормильца, на них можно было пару, а то и тройку лет протянуть.

Шли в газожоги самые отчаянные сорвиголовы, те, кому либо терять нечего, либо сильно деньги нужны были. Про всех шахтёров есть присказка, что смерть им как сестра родная, но ладней ладного слова эти именно на газожогах сидят, что тот овчинный тулуп, какой молодцы-удальцы надевали перед тем, как в шахту спуститься.

До того как смена заходила на участок, спускался в шахту газожог, предварительно натянув на себя кучу разного мокрого тряпья или же шубу, обильно политую водою, закутывал плотно голову. Инструмент газожога – инструмент олимпийского значения – факел, которым он поджигал газовоздушную смесь в выработках. Факел этот надо было как можно дальше метнуть, а самому упасть ничком, прикрывая ли-

цо, чтобы не пострадало. Многожды так случалось, что смена находила факелоносца мёртвым и выносила его на поверхность.

В те стародавние времена не имелось иных способов выявить наличие газа в шахте. Ползал газожог по выработкам со своим факелом или же с шестом, к которому подвешивалась лампа со снятой защитой, и не знал, сколько газа скопилось после прошлого выжигания. Приборов никаких не было, работал смелый несимпатичный человек на свой страх и риск. Собою жертвовал во имя тех, которые после него придут и начнут обушками отвоёвывать у шахты-кормилицы чёрное золото.

Везде эта профессия существовала в тот период, не только в Донбассе. Повсеместно к ней относились с трепетом. В Европе газожогов называли «кающимися грешниками», может, потому, что передвигались они по шахте на четырёх косях, ползали на коленях или вообще по-пластунски да носили длинные монашеские балахоны с капюшонами, закрывающими лицо, чтоб предохранить горемык от ожогов.

Долго работа газожогов была востребована, а потом на смену им пришли птички-канареечки. Птичка эта и стала первым газомером. Она чутко реагирует на недостаток кислорода в воздухе. Тысячи тысяч горняцких жизней спасли канареечки, после чего передали эстафету шахтёрским бензиновым лампам. Когда метан скапливается в воздухе, над такую лампою образуется голубоватый ореол.

У шахтёров принцип есть – своих не бросать. Он много кем декларируется, но только шахтёры его святейше блюдут. Если погибнет кто под землёй – газожог ли, забойщик ли, саночник ли, – непременно надо поднять человека на-гора и предать тело земле по-людски. Жили по этому принципу шахтёры, но до поры до времени, всё когда-то, как говорится, в первый раз случается.

Работал в стародавние времена на одной из донбасских шахт газожогом некий лихой человек, ничего и никого не боялся. Много раз жёг газ, возвращался всегда с улыбкою на лице. Никто его смурным никогда вообще не видел. А как на работу шёл – словно на концерт, песенки по дороге высвистывал, а иногда и пританцовывал. Как того молодца звали, неведомо, но кликать с какого-то момента его стали Шубиным – из-за огромной и тяжелой шубы, которая его не раз при выполнении задачи спасала.

Однажды спустился Шубин в шахту и не вернулся. То ли газа слишком много накопилось, то ли бдительность потерял. А может, и третья причина была, нам неведомая. Случился завал – рвануло под землёй мощно, свод обрушился. Копали несколько дней не покладая рук, без перерыва на сон, чтобы вытащить Шубина, но не докопались в итоге. Директор шахты посчитал, что дальше раскапывать больно затратно, слишком много рабочих было задействовано в условной спасательной операции. Условной оттого, что понимали уже – речь идёт только о том, чтобы тело горемыки выта-

щить. О том, что Шубин мог выжить, и мысли не промелькнуло.

Начали уговаривать семью погибшего взять вдвое больше денег, чем обычно за гибель газожога полагалось. Семья поначалу не соглашалась, но потом родственники подумали-подумали да и решили, что покойный кормилец был бы рад такому раскладу. Всё равно на риск шёл с трезвою головою и знал, что в случае его гибели родына¹⁵

¹⁵ Родына – семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.